

АЛИ БЕК АЗЕРИ

Огьел

Рассказ

«Огьел» – это не прозвище и не кличка, это псевдоним.

Тогда мы учились в Харьковском высшем танковом училище, кажется, на первом курсе. В группе из тридцати человек нас было трое нерусских: армянин Миша Вартанян, грузин Нодар Думбадзе и я. Все остальные были русскими или украинцами. В принципе, коллектив наш был дружным и трудолюбивым, и мы не чурались никакой черной работы, иначе и не могло быть, ведь мы же учились на танкистов!

В основном здесь были крепкие и здоровые ребята, которые держали между собой дистанцию. Но временами Дронников и Вартанян задевали меня, бросая в мой адрес колкости, и я предупредил их обоих, чтобы они со мной не связывались. Ведь я был единственным мусульманином из «Солнечного Азербайджана», и во мне бурлила горячая кровь...

– Эй, «Огьел!»... – внезапно подозвал меня Дронников.

Это слово будто обожгло все мое тело, чувство обиды охватило все мое существо. Может, даже не само это слово, а сам Дронников, наглое поведение которого бесило меня. Сначала мне показалось, что он как-то неправильно выразился... Ничего себе! – подумал я про себя.

Ничего не говоря, я тихонько подошел к нему. Он стоял под вышкой вместе с другими курсантами, которые, глядя на меня, курили. Я подошел к Дронникову вплотную, пристально глядя в его хитренькие глазки.

Увидев, что дело принимает серьезный оборот, он вдруг растерянно заулыбался. Его лицо напоминало мне жабу. Я изо всей силы ударил его кулаком по голове. От удара лицо его перекошилось, и он упал прямо на снег.

– Ох... ну ты и «Огьел!»... – это был уже другой курсант, Белоусов.

Но мне его слова уже были безразличны, и я пропустил их мимо ушей.

Крепкий и здоровый, Белоусов был старше нас на два года. Отслужив в армии, он решил продолжить свою учебу. Конечно, драться с ним мне было не под силу, но он хорошо знал, что со мной «шутить» не стоит.

Сжав кулаки, он медленно подошел ко мне и, глядя прямо в глаза, вдруг громко произнес: – Но ты... Ты настоящий «огьел!»

Он сказал это так громко, чтобы затеять со мной драку.

– Что ты себе позволяешь? – завопил вслед за ним курсант Кураченко. – Кроме себя, никого не замечаешь?

– Заткнитесь! – громко закричал я. – Лучше займитесь Дронниковым, кажется, он потерял сознание.

Дронникова тогда долго растирали снегом, пока он не пришел в себя. Затем его пришлось отвести в медицинский пункт.

Само слово «огьел» меня не раздражало. Раздражало то, с каким пренебрежением произносил это слово Дронников. У всех отчество заканчивалось на «ович», а у меня на «оглы». Сколько раз мне предлагали сменить окончание на «ович», уверяя, что весь Союз и даже среднеазиатские мусульмане приняли такое произношение, но я на это не соглашался.

С того дня все стали называть меня «огьел», что в переводе на азербайджанский означало «оглы», то есть сын. Я был простым сельским парнем из горной деревушки, каких было тысячи. По окончании средней школы я поступил на учебу в танковое училище, которое находилось в городе Харькове. Будучи крепким и уравновешенным парнем, я умел крепко постоять за себя. Но по-настоящему драться меня научил Тарлан, парень, с которым я познакомился под Харьковом, на полигоне танкового училища. Он был родом из Хачмаза и служил механиком-водителем. Однажды увидев, как трое парней дерутся со мной, он немедленно разнял нас. Узнав причину драки, он отругал их и предупредил, чтобы они больше не подходили ко мне. После того случая мы крепко подружились, но когда он уволился из армии и уехал на родину, мы с ним больше не встречались.

Харьков – город индустриальный, больше половины населения которого составляла молодежь. И еще этот город являлся центром культуры, одним из пяти больших городов Советского Союза. В те времена, когда я там учился, а это были восьмидесятые годы XX века, в Харькове было более четырех миллионов населения.

Основное население города разговаривало на русском языке, так было легче общаться между собой. Несмотря на то, что во время Великой Отечественной войны немцы дошли до самого Харькова, там сохранилось немало старинных архитектурных зданий. В Харькове даже существовала улица Нариманова. Я думал, что улица была названа в честь прославленного сына азербайджанского народа Наримана Нариманова, однако потом, гуляя в один прекрасный воскресный день по городу, я узнал, что улицу так называли в честь Наджафа Нариманова – сына Наримана Нариманова. Во время Великой Отечественной войны Наджаф был танкистом и героически погиб, защищая город Харьков. Я был горд этим, ведь я тоже был азербайджанцем и танкистом.

Однажды среди ночи меня разбудили. Открыв глаза, я увидел дежурного, который стоял возле моей кровати и ждал, пока я окончательно проснусь.

– Что надо? – спросил его я.

– Надо командира вызвать, – прошептал дежурный, чтобы никого не разбудить.

– Я тут при чем? Я же не посыльный?

– Быстрее одевайся, я тебе все объясню! – велел он мне и вышел.

Одевшись, я подошел к нему и потребовал объяснения.

– Пойми, посыльный командира болеет и находится в медицинском пункте, а ты являешься запасным.

– Почему же я об этом не знаю? – возразил было я.

– Это секретная информация. Ты не должен был заранее об этом знать.

– Этого не может быть! – не соглашался я. – Все расчеты каждый раз уточняются и доводятся до личного состава.

– Пойми! Кроме тебя, мне отправить некого.

– Так и скажи, – смягчился я.

– Командир живет отсюда недалеко. Но дорога к его дому проходит через кладбище. Сейчас полночь, транспорт не ходит. Придется тебе идти пешком.

Тогда я не знал, проверяют ли они меня на прочность или же действительно нужно идти к командиру. Взяв у дежурного табличку посыльного, я отправился к командиру. Дорога проходила через парк «Юность», затем вдоль маленького безымянного ручья, а далее через кладбище. После кладбища начинался новый жилой массив, где в одном из квартир пятиэтажного дома жил наш командир. В каком точно, я не знал.

Когда я нашел квартиру командира, его дома не оказалось. Жена очень удивилась и сказала, что муж сегодня ответственный за караул и поэтому его нужно искать в училище. Я извинился и отправился обратно. Возвратившись в казарму, я обо всем сообщил дежурному. Я хотел, чтобы он объяснил мне, что происходит, но дежурный велел мне никому об этом не рассказывать и идти спать.

Мне было непонятно, хотел ли дежурный поспорить командира с женой или подставить меня патрульным? А может, проверял, не побоюсь ли я пройти через кладбище посреди ночи?

«Раз я «огъел», – думал я, – почему же мне не совершить подвиг! Разве подвиги совершаются только на войне? Подвиг можно совершить и в мирное время. И тут вдруг мне пришла в голову мысль о Мехти Гусейнзаде. Среди белого дня он расхаживал в немецкой форме по улицам немецкого города, да еще с оружием, и немцы не могли поймать его. Почему же я – гражданин Советского Союза – не могу свободно ходить по улицам города, боясь, что военный патруль поймает меня и посадит на гауптвахту. Харьков – город большой, и повсюду стоят военные патрули. Чтобы попасть в центр города, нужно было сесть в метро, но и там дежурили патрульные. Другого пути попасть в центр города не было, и поэтому мне нужно было перехитрить их. Но как? Об этом надо подумать».

Занятия в училище проходили в основном до обеда. В аудитории всегда присутствовал командир взвода и следил за тем, чтобы никто не отлучался. Только те, кто назначался в суточный наряд или находился в медицинском пункте, на занятиях не присутствовали. Наряд назначался заранее, а в медпункт записывались с утра. Я предупредил, что ушиб ногу и отправлюсь в медпункт, чтобы получить освобождение и готовиться в казарме к следующим занятиям. В медпункт, конечно же, я не пошел, а направился в город, чтобы проверить реакцию патрулей. Я перелез через забор и сразу же оказался на шоссе, сел в трамвай, благо, военным служащим полагался бесплатный проезд. Доехав до метро, я перед входом глубоко отдышался на случай, если придется бежать от патрульных. Когда я вошел в метро, там стояли несколько патрульных. Они прятались за углом, чтобы их никто не заметил. По всей видимости, они также заметили меня и терпеливо ждали, чтобы я подошел поближе. Сбравшись с духом, я направился прямо к ним. Начальником патруля был рыжий подполковник среднего роста.

– Товарищ подполковник! Разрешите обратиться! – взволнованно отрапортовал я.

– Обращайтесь! Что случилось?

– Наш командир взвода, лейтенант Попов вчера заступил с вами в наряд. Вы не скажете, где он патрулирует?

– Зачем он тебе?

– К нему приехала жена. На КПП ждет, как-то неудобно. Меня послали, чтобы сообщить ему об этом.

– Да, правильно. Нехорошо жену офицера заставлять ждать на КПП, – сказал подполковник и обратился к патрульным. – А ну-ка вспомните, вчера на разводе присутствовал лейтенант? – он сразу же заметил на моих петлицах эмблему танкиста.

– Не помню! – ответил один из них.

– Да, кажется, на левом фланге стоял один танкист, в конце строя.

– А, вспомнил, – сказал подполковник. – Танкист, лейтенант маленького роста.

– Да, да... – подтвердил я, зная, что танкисты в основном отличаются маленьким ростом.

– Он патрулирует в парке «Советский». Знаете, где это?

– Никак нет! – твердо ответил я.

– На станции метро «Советской» выйдешь и спросишь, там недалеко.
«Вот это удачно я придумал», – довольно подумал я.

На уроке философии лаборантка Ирина сообщила нам, что преподавателя куда-то вызвали и поэтому нашему старосте поручили контролировать весь ход занятий.

В тот день шел семинар на тему «Вечный вопрос философии». Все, кто готовился к семинару, выступали по очереди, когда же очередь дошла до меня, вернулся преподаватель. До конца занятий осталось еще немало времени, и мне пришлось выступить основательно.

Для семинара я подготовил особую тему: «Почему армяне не могут примириться с тюрками?»

– Я тщательно изучил эту тему, – сказал я в конце. – Но не нашел причины, почему?.. Даже великий азербайджанский драматург Джафар Джаббарлы, написав пьесу «1905 год», в конце помирил бывших соседей – армянина Аллахверди и азербайджанца Имамверди, посадив их вместе за один стол, но так и не смог указать причину этой вражды.

Тут руку поднял Белоусов.

– Давай помирим тебя с Мишей Вартаняном, – сказал он. – И никаких проблем между армянами и тюрками не останется.

Все заулыбались. Миша Вартанян не любил меня и при случае отпускал злобные реплики в мой адрес. Однажды на утренней физзарядке я сильно избил его, и с того момента мы больше друг с другом не разговаривали.

– Миша Вартанян – больной человек, как и многие армяне, – сказал единственный грузин из нашей группы Нодар Думбадзе. – Потому что с детства родная мать твердила ему, что все турки враги, что с ними нужно вести себя осторожно, и если они когда-нибудь поймают его, то сразу же отрежут голову, как в 1915 году. Они психически нездоровые люди, – заключил он, – и поэтому на них не следует обижаться.

Когда Думбадзе закончил, я сразу же обратился к Белоусову.

– Ты среди нас самый старший и сильный, поэтому я не могу отказать тебе. Только ответь мне, пожалуйста, на один вопрос: «Зачем ты поссорил нас с Мишей Вартаняном? И для чего хочешь помирить? Ответь на этот вопрос, и я сразу же помирюсь с ним».

Белоусов покраснел, ничего не сказав в ответ.

Все вдруг рассмеялись.

– «Огъел» включил в ряд вечных вопросов философии новый вопрос: «Почему армяне не могут примириться с тюрками?» – сказал преподаватель, но тут прозвенел звонок.

Урок по ЭВМ в нашем училище проводил подполковник Лысенко, человек среднего роста, не очень приятной наружности. Голова его была полностью лысой, и поэтому его за спиной называли «Лысенко Лысый Лысович». Хотя ему было неприятно это слышать, он старался не обращать на это внимания. Он был кадровым офицером, воевал в Афганистане и занятия проводил неохотно, потому что не разбирался в полной мере в информатике.

Вместо урока мы стали обсуждать вопрос: «Почему человек лысеет?» Мы долго обсуждали, но никак не могли прийти к единому мнению.

– Наш род эту фамилию получил от самого Петра Великого, – разъяснил нам Лысенко. – Все мужчины в нашем роду рано или поздно лысеют, насколько я знаю, мой отец, дядя и дед были лысыми. А фамилия моя не означает, что я украинец, мы – чистокровные русские.

Мы продолжали обсуждать, высказывали разные мнения, и Лысенко, глядя на нас, внимательно слушал.

– Бараны лысыми не бывают! – вдруг сказал я, и преподаватель в знак благодарности кивнул мне головой. В это время зазвенел звонок на перерыв.

На следующий день это мое высказывание облетело весь вуз. Курсанты, преподаватели, лаборанты, – все цитировали мои слова: «Бараны лысыми не бывают!»

Дважды в неделю я ходил в самоволку и ни разу не попадался. Однажды, зайдя в метро на станции «Пивденний вокзал», я сразу заметил начальника патруля – рыжего майора с двумя высокими патрульными. Кажется, он узнал меня. Бежать было некуда, и поэтому я сам подошел к ним и представился. Начальник патруля хитро улыбался.

– Ну что, партизан, наконец-то ты попался?

Я сделал удивленный вид, притворяясь, что ничего не понимаю.

– Давай сюда военный билет и увольнительную! – потребовал он.

В это время приближался поезд. Я медленно расстегнул пуговицы, вытащил из кармана военный билет и протянул майору.

– Я племянник Героя Советского Союза Мехти Гусейнзаде, – проговорил быстро я и, выхватив военный билет из его рук, побежал к вагону.

Я запрыгнул в вагон, и поезд тронулся с места.

В вагоне метро я окончательно решил, что метод «Жена командира» больше не работает. Наверное, об этом уже знают все начальники патрулей, и даже если пока не знают, то сегодня будут знать точно.

Спустя три десятка лет один из моих друзей сообщил мне, что кто-то в Киеве ищет меня. Мой друг вошел на сайт «Одноклассники». Оказалось, что меня искал Виталий Давиденко, мой однокашник, с которым мы вместе учились в училище.

«Недавно я был в городе Харькове, – писал Виталий. – Зашел на Центральный рынок, нашел там азербайджанцев, чтобы узнать, знают ли они своего земляка по прозвищу «Огьел».

– Из какого он района? – спросили они.

– Из Зангиланского.

– Увы... – ответили они. – Зангиланского района больше не существует.

– Но почему? – удивленно спросил я.

– Армяне оккупировали...

Я боялся услышать о том, что ты погиб. Но я знал, что ты храбрый человек и не мог бы сдать без боя врагу свою землю. По возвращении в Киев я направился прямо в Генеральный штаб украинской армии, чтобы узнать о действиях азербайджанской армии и найти тебя, своего друга и однокурсника по прозвищу «Огьел». Я нашел фотографию, где ты вместе с турецкими военными участвуешь в совместных учениях на полигоне...

Глубоко вздохнув, я успокоился. «Он настоящий «Огьел!» – подумал я. – Он не может умереть... Он не мог умереть...»